

Город бога Тейшебы — последний оплот урартской власти в Закавказье

(Результаты раскопок на Кармир-блуре)

Период правления Русы, сына Аргишти (середина VII в. до н. э.), по дошедшим клинописным источникам, представляется периодом интенсивного строительства и укрепления мощи Ванского царства. О больших строительных работах Русы II на севере своего государства и, в частности, в Закавказье подробно рассказывают две урартские надписи, одна из Маку, к северо-востоку от оз. Ван, а другая из древнего армянского храма Звартноц. Надпись на памятнике, обнаруженном при раскопках Звартноца, около Эчмиадзина, была издана еще в 1901 г. В. С. Голенищевым. Монументальная стела из базальта, высотою в 2,70 м, содержит 45 строк клинописного текста, рассказывающего о крупных строительных работах, проведенных урартами в Кутурлинской равнине, т. е. на правом берегу р. Занги. В надписи говорится о постройках, разведении садов, виноградников, о полях с посевами и о проводке канала от реки Ильдаруни (т. е. Занги). Канал, упомянутый в надписи, сохранился до наших дней. Это большой тоянель, находящийся на правом берегу реки, напротив холма Кармир-блура, пробитый в толще андезито-базальтовой скалы.

Памятник Русы, сына Аргишти, свидетельствует, таким образом, о больших строительных работах урартов вокруг своего административного центра — города Тейшебани, мощные развалины цитадели которого сохранились на холме Кармир-блур, где в 1936 г. геологом А. П. Демехиным был найден обломок камня из кладки стены с остатками клинообразной надписи, содержавшей имя Русы, сына Аргишти.

Во второй период истории Ванского царства, после разукрупнения наместничеств, город Тейшебани заменил по своему расположению прежний административный центр — Аргиштихинили.

В начале VI в. до н. э. под ударами мидийских войск пала столица Ванского царства — город Тушпа и центральная часть Урарту после этого вошла в состав Мидийского государства.

Иная судьба постигла урартские административные центры в Закавказье. Археологические исследования отчетливо показывают, что они были разрушены скифами, но археологический же материал свидетельствует и о том, что при жизни этих центров скифы находились с ними в тесном общении: именно через Закавказье скифы получали желево для своих орудий и оружие. Мы хорошо также знаем, что до установления греческой колонизационной торговли связи населения причерноморских степей со странами древнего Востока шли через Кавказ, в частности через Западное Закавказье и Кубань.

Таким образом, в культуре Закавказья VI и начала VII в. до н. э. отчетливо наблюдаются три элемента: основной — местный закавказский, явившийся наследием культуры эпохи бронзы, урартский, обеспечивший связи с культурой древнего Востока, и скифский. Эти три элемента в их взаимосвязи особенно четко должны выступить при исследовании урартских административных центров, и не удивительно, что в настоящее время наиболее богатый материал по этой проблеме дают раскопки крепости Тейшебани на холме Кармир-блур.

* * *

Кармир-блур («Красный холм») находится на левом берегу Занги, ниже Еревана, напротив сел. Джабараабад. На холме, особенно на его склонах, обращенных к Занге, еще до раскопок были видны остатки древних стен, сложенных из крупных каменных глыб. К западной части холма примыкает обширное древнее поселение, на поверхности которого заметны каменные фундаменты построек, а с самолета отчетливо различимы прямые линии трех улиц, идущих в направлении с востока на запад. Древнее поселение

длительное время разрушалось жителями ближайших сел, бравших из него камень для своих строительных нужд. При этом обнаруживалось большое количество обломков глиняной посуды, целые, иногда очень крупные, сосуды, служившие хранилищами зерна, бронзовые и железные предметы. Найдена была также створа каменной формы для отливки бронзовой секиры, характерного предмета закавказского вооружения начала I тысячелетия до н. э.

Крепость на Кармир-блуре имела, по своему местоположению, большое стратегическое значение. Она находилась на северной границе Арааратской низменности—района, прочно освоенного урартами. С Кармир-блура прекрасно видна вся низменность и, в частности, Армавирский холм (Аргиштихинили), несмотря на то, что он находится на расстоянии около 40 км. С другой стороны, с Кармир-блура открывается вид на предгорья, и отчетливо различим холм Арин-берд (Ганли-тала), на котором была еще в 1893 г. найдена небольшая клинообразная надпись на камне, рассказывающая о постройке крепости урартским царем Аргишти, сыном Менуи.

Раскопки Кармир-блура были начаты в 1939 г. и велись до 1941 г. по единому плану археологическими экспедициями Государственного Эрмитажа (1939—1941, Б. Б. Пиотровский), Комитетом охраны исторических памятников Армении (1939, К. Г. Кафадарян) и Армянским филиалом Академии наук СССР (1940, 1941, С. В. Тер-Аветисян).

После окончания Великой Отечественной войны раскопки были возобновлены в 1945 г. и ведутся ежегодно совместной археологической экспедицией Института истории Академии наук Арм. ССР и Государственного Эрмитажа, (нач. эксп. Б. Б. Пиотровский).

Уже в первый год работ было выяснено, что на холме находятся остатки громадного, хорошо сохранившегося здания. Исследование этого здания было облегчено случайным обстоятельством. После одного сильного ливня удалось заметить, что поверхность холма высыхала неравномерно, причем при высыхании определенно вырисовывались части плана древнего здания. Это объясняется тем, что стены, сложенные из сырцового кирпича, задерживали влагу дольше, чем грунт, заполнивший помещения. Вследствие этого еще до раскопок можно было частично выявить план здания. Громадная постройка, которую мы условно называем дворцом урартского правителя, занимала площадь около 16 000 м² и имела около 120 помещений. Трапеция, заложенная вокруг здания для выяснения его контуров, имела общую протяженность около 1500 м. Западный фасад здания выходил на большой огражденный крепостной стеной двор, имевший два входа—основные, хорошо укрепленные ворота в южной части и небольшие ворота, с проездом для повозок и калиткой для пешеходов в северо-западной части двора.

Стены дворца, возведенные с преувеличенным запасом прочности, сложены из крупных сырцовых кирпичей (52×35×14 см) на цоколе высотою около 2 м, сооруженном из громадных грубообработанных камней. Толщина внешней стены достигала 3,5 м, т. е. возводилась в 10 рядов кирпича, а внутренней—2,10 м, т. е. в 6 рядов кирпича.

Здание, соответственно строительному материалу, имело прямолинейные формы, линия фасада разбивалась контрфорсами, а углы дворца имели массивные башни. Не все части этой громадной постройки были одновременными, и раскопки будущих лет выявят хронологическое соотношение его отдельных частей.

В некоторых комнатах средней части холма сохранившаяся высота стен достигала 7 м, что дает нам основание считать первоначальную высоту помещений превышающей 10 м. Комнаты имели продолговатую форму, достигая иногда 24 м длины, при ширине не более 4 м, что определялось системой их перекрытия. Потолочные перекрытия были плоскими, и для них использовались балки сосны, тополя и дуба (определения А. А. Яценко-Хмелевского). На основании материала раскопок архитектору К. Л. Оганесяну, изучающему архитектуру Кармир-блура, удалось выяснить две системы древнего перекрытия, доживающие в Армении до наших дней. Потолок первого типа состоял из стесанных с одной стороны балок, плотно положенных друг подле друга, поверх которых укладывались слой камыша, затем сучья и еще второй слой камыша. Верхняя часть потолка, т. е. поверхность крыши, состояла из плотно утрамбован-

Рис. 1. Обломок камня с клинообразной надписью царя Русы, сына Аргишти.

Рис. 2. Часть бронзового запора с надписью Русы, сына Аргишти.

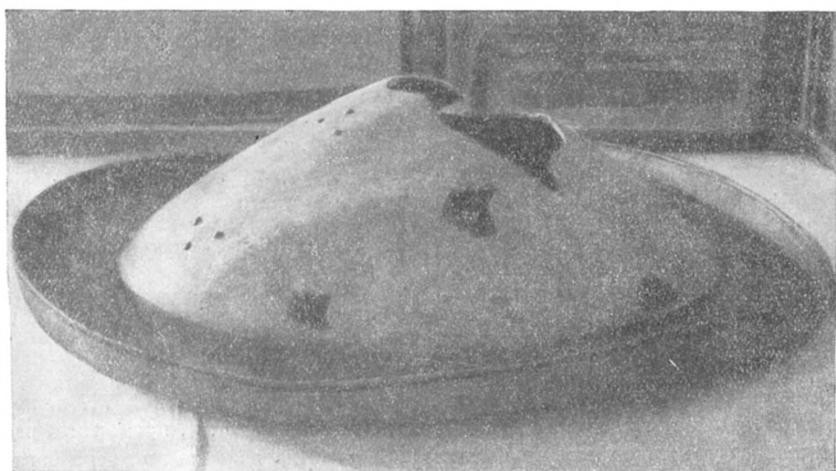

Рис. 3. Декоративный бронзовый щит с надписью Аргишти, сына Менуа.

ванной земли. Потолок второго типа отличался от первого только тем, что в нем сплошное бревенчатое перекрытие было заменено клеткой из поперечных балок и продольных жердей, через которую был виден нижний слой тростника. Такой потолок устанавливался для дворцовых кладовых.

Окна устраивались в верхней части стены, под самым перекрытием, что видно и на ассирийских изображениях урартских строений. Дворец имел вид монументального уступчатого здания, его помещения располагались на различном уровне, соответственно склону холма, и окна комнат одного уступа выходили на крышу комнат

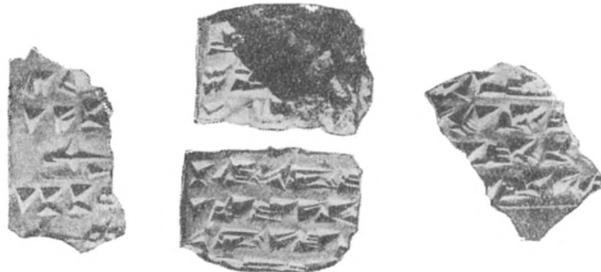

Рис. 4. Глиняные таблички с клинописью (обломки крепостного архива).

другого уступа. Кроме того, для лучшего освещения центральных комнат устраивались также световые колодцы, встречающиеся и в ассирийских дворцах, т. е. комнаты, лишенные потолков.

Раскопками на Кармир-блуре в настоящее время исследованы помещения только одной части дворца, содержащей комнаты хозяйственного назначения и кладовые.

В одной из самых крупных комнат на полу было обнаружено большое количество жмыхов кунжути, отходов от производства кунжутного масла, излюбленного растильного масла на древнем Востоке. В зимнее время жмыхи шли на корм скоту. Обнаруженная в соседней комнате ванна, высеченная из одного куска туфа и имеющая каменный желоб, отводивший отработанную жидкость, служила, вероятно, для размачивания кунжутных зерен до их обработки, а большая каменная ступка с громадным пестом—для освобождения зерен от шелухи. Количество кунжутных жмыхов и приспособления для обработки кунжути свидетельствуют о крупном хозяйстве урартского административного центра.

Другая группа исследованных комнат являлась кладовыми. В них обнаружены большие запасы зерна, а также различные металлические предметы, небольшое сравнительно количество которых указывает как будто на то, что кладовые дворца подверглись все же частичному ограблению.

Обращает на себя внимание одна из крайних кладовых ($9 \times 20 \times 6$ м), засыпанная сплошь толстым слоем пшеницы (около 20 000 литров), а в одном из углов на деревянном полу или помосте лежала группа бронзовых изделий—части мебели, гладкие чаши, фиалы ассирийского типа, хорошо известные в Передней Азии, ведерко с двумя скульптурными головками бычков, браслеты, пояс и другие предметы. В одной из чаш оказались небольшие золотые серьги очень тонкой работы.

При раскопках этой кладовой в 1946 г. нам посчастливилось узнать и древнее название крепости на Кармир-блуре. Около ее двери была обнаружена часть бронзового запора (накидная петля) с короткой клипообразной надписью: «Русы, сына Аргишти, дом оружия, (арсенал или крепость) города Тейшебани». Этот лаконический текст подтверждает датировку раскапываемой части дворца серединой VII в. до н.э., т. е. временем правления урартского царя Русы, сына Аргишти, и, кроме того, раскрывает нам древнее урартское название крепости. Она была названа по имени бога Тейшебы, бога войны, грома и бури. Еще раньше на Кармир-блуре была найдена бронзовая статуэтка этого бога, изображающая человеческую фигуру в головном уборе,

украшенном рогами, что являлось атрибутом богов, с боевым топором и палицей в руках. Статуэтка эта в нижней своей части имела железный стержень для насадки на древко и служила, вероятно, навершием штандарта.

Как всякий большой административный центр древнего Востока, крепость Тейшебаини имела свой архив, хранилище документов, отражающих жизнь крепости. В 1946 г. на полу одной кладовой северной части дворца среди древнего мусора найдены три обломка глиняных табличек с клинописью. Эта находка представляет исключительный интерес не только вследствие того, что перед нами первые из клинописных табличек, найденных на территории нашего Союза, но и потому, что из урартских памятников этого рода до сих пор были известны лишь две целые таблички и четыре обломка, обнаруженные на Топрах-кале, около Вана. По определению И. М. Дьяконова, кармир-блурские таблички, по палеографии очень близкие к происходящим с Топрах-кале, принадлежат хозяйственному архиву крепости: один обломок является, повидимому, частью «нарида на работу» (сохранились цифры и идеограмма «человек»), а две других, с перечнем имен людей, представляются обломками юридических документов с именами свидетелей, скреплявших акт купли или за-клада. Предположение о таком значении последних обломков подтверждается еще и тем, что на одном из них имеются следы оттиска цилиндрической печати с остатками клинописи. Среди имен встречается имя некоего Иштаги повидимому, жителя Тейшебаини. Надо надеяться, что дальнейшие раскопки обнаружат еще целый ряд клинописных табличек, которые позволят нам до деталей узнать жизнь древней крепости и назовут имена ее жителей.

Небольшая и незаметная с первого взгляда случайная находка на Кармир-блуре указывает на существование в Тейшебаини также архива папирусных свитков. Это маленькая (размером около 2 см), подвесная печать-булла из битума, на которой различим оттиск печати с изображением оленя и человека. Остатки тонкой веревочки, сохранившиеся в глине, и отпечаток папируса на нижней стороне буллы указывают на то, что ею скреплялся свиток. В древних городах и дворцах Передней Азии кроме архивов, состоявших из глиняных табличек, имелись также хранилища папирусных и кожаных свитков с арамейским текстом. Вероятно, и текст папируса, который скреплялся найденной буллой, был выполнен арамейским письмом, которое в Закавказье доживает вплоть до появления собственных армянского и грузинского алфавитов; до нас дошли надписи арамейским письмом армянского царя Арташеса I (на побережье оз. Севан) и грузинских правителей—птиашхов (последние раскопки в районе Мцхеты).

Обнаруженные при раскопках дворца предметы характеризуют широкие связи Ванского царства с другими странами древнего Востока. Так, каменные бусы, найденные в большом количестве и разнообразии, отмечают целый ряд различных центров их происхождений, имея много аналогий в археологическом материале Закавказья, в частности в могильниках VIII—VI вв. до н. э. (Самтавро, Ворнак, Мингечаур). Большинство бус изготовлено из различных сортов сердолика, числом до семи, и из сардоникса, условно называемого археологами также агатом. Встречаются бусы и подвески из горного хрусталия и стеатита. Г. Г. Лем-

Рис. 5. Подвесная булла от свитка папируса с оттиском печати.

млайн, изучавший каменные бусы из раскопок на Кармир-блуре, установил, что каждый сорт сердолика соответствует своеобразной форме и технике изготовления бус.

Из числа сердоликовых («кардеровых») и сардониксовых бус выделяются бусы великолепного качества, изготовленные одинаковым способом: кардеровые бусы шаро-видной формы, а сардониксовые — бочонковидные. Сверлены они штифтом с двух концов, причем форма канала слабоконическая. Предположение о том, что эти бусы —

Рис. 6. Ассирийские цилиндрические печати.

ассирийского происхождения, не вызывает сомнений, тем более, что по технике изготовления и по материалу (сардонику) они тождественны пронизке с именем ассирийского царя Аадднари, найденной в 1895 г. Э. Реслером при его раскопках в Ходжалах (Нагорный Карабах). Среди большого количества сердоликовых бус три бусины отличались сортом сердолика и способом сверления. Эти бочонковидные бусы были изготовлены из золотистого сердолика и сверлены алмазом, что устанавливается по строго цилиндрической форме канала. Г. Г. Леммлейн предполагает, что местом их изготовления следует считать Иран или северо-западную Индию.

В дворцовом коридоре среди большого количества бус (свыше 600) были найдены характерные урартские печати в виде гирек с ушком для подвешивания, а также восемь ассирийских цилиндрических печатей каменных, пастовых и керамических, с изображениями преимущественно мифологического содержания. Две печати, на которых изображены сцены борьбы богов со змеем или с козлом, имеют близкие аналогии в материале, происходящем из Дур-Шаррукина и Ашура, аналогии, настолько близкие, что ассирийское происхождение цилиндрических печатей, найденных на Кармир-блуре, представляется бесспорным.

На связи Ванского царства с Малой Азией и со Средиземноморьем указывает сердоликовая печать-скарабеоид с фигурой козла, выполненный путем круглых углублений, а также золотые серьги в форме калачика, украшенные тонкой зернью.

Золотые серьги, близкие к кармир-блурским по форме, технике изготовления и по дате (VIII—VI вв. до н. э.), известны в большом сравнительном количестве в Среди-

земноморье (Кипр, Родос, южная Италия). На связи с Египтом указывают характерные пастовые бусы и маленькая подвесная фигурка из того же материала, изображающая древнеегипетскую богиню Сохмет. Египетские скарабеи были и раньше известны среди находок в районе Вана (материалы И. А. Орбели) и Закавказья (Армавир, район Ани и др.). До греческой колонизации египетские древности на северный Кавказ попадали именно через Закавказье, и египетские навкратийские скарабеи были найдены высоко в горах: в Раче (раскопки Г. Ф. Гобеджишвили) и Кабарде (материалы В. Ф. Миллера).

В кладовой вместе с золотыми серьгами был обнаружен бронзовый пояс, сохранившийся в обломках, с изображениями деревьев жизни, заключенных в картуш. Изображения деревьев жизни встречены на многих бронзовых поясах из Закавказья (Кармир-блур, Ани-пемза, Карсская обл., пояс из Шираха), именно они разъясняют форму деревьев жизни на золотых скифских ножнах акинаков из Литого и Келермесского курганов. При учете закавказского археологического материала становится очевидным, что эти знаменитые памятники скифского искусства были изготовлены под влиянием и по образцам урартского и закавказского искусства. Такое предположение подтверждается и тем, что, при чисто древневосточных мотивах украшений ножен и рукоятки акинака, боковой выступ, имеющийся только на предметах скифского и иранского вооружения, украшен чисто скифским орнаментальным мотивом.

Для изучения связи урартской культуры со скифской совершенно исключительный интерес представляет находка на Кармир-блуре роговой головки грифона с бараньими рогами, предмета, несомненно, скифского искусства, подобного тем головкам грифонов-баранов, которые были найдены в курганах Кубани и Украины (например, из раскопок Н. И. Веселовского у ст. Келермесской и А. А. Бобринского около Смелы). Роговая головка грифона-барана была найдена в «комнате при-вратника», открытой при раскопках главных ворот крепости. На полу этой комнаты, у лежанки, обнаружены два больших оленевых рога предназначенных для изготовления мелких предметов. Подле рогов лежали начатый обработкой кусок с продольным отверстием и головка грифона-барана, служившая вероятно, кустарю-резчику образцом, на что указывает затертость поверхности головки. Во всяком случае, этот предмет служит лишним доказательством тесных взаимоотношений скифов с Закавказьем.

Раскопки дворца на Кармир-блуре дали нам и первоклассные памятники урартского искусства. В 1940 г. был обнаружен крупный бронзовый щит декоративного назначения, диаметром около одного метра, на борту которого сохранилась двухстрочная клинообразная надпись, указывающая, что этот щит был посвящен богу Халду урартским царем Аргишти, сыном Менуи (вторая четверть VIII в. до н. э.). По форме этот щит очень близок к тем, которые были найдены на Топрах-кале, около Вана, и отличается от них лишь отсутствием изображений львов и быков. Подобные же декоративные щиты со скульптурными головами собак в средней части изображены на сцене разграбления ассирийцами урартского храма в Мусасире (рельеф во дворце Саргона).

Раскопки 1947 г. дали новый памятник урартского искусства. В одной кладовой, смежной с той, где были найдены золотые серьги, около наружной стены оказались сложенными железные кинжалы и железный меч, длиною около полуметра. Рядом с этими предметами лежал раздавленный землею бронзовый шлем, на нижнем крае которого сохранилась клинообразная надпись: «Богу Халду, владыке, (этот шлем) Сардур, сын Аргишти, посвятил благополучия ради». Позади надписи стоят два иероглифических знака, возможно, метки мастера. Шлем украшен замечательными чекан-

Рис. 7. Голова грифона скифского стиля, вырезанная из кости.

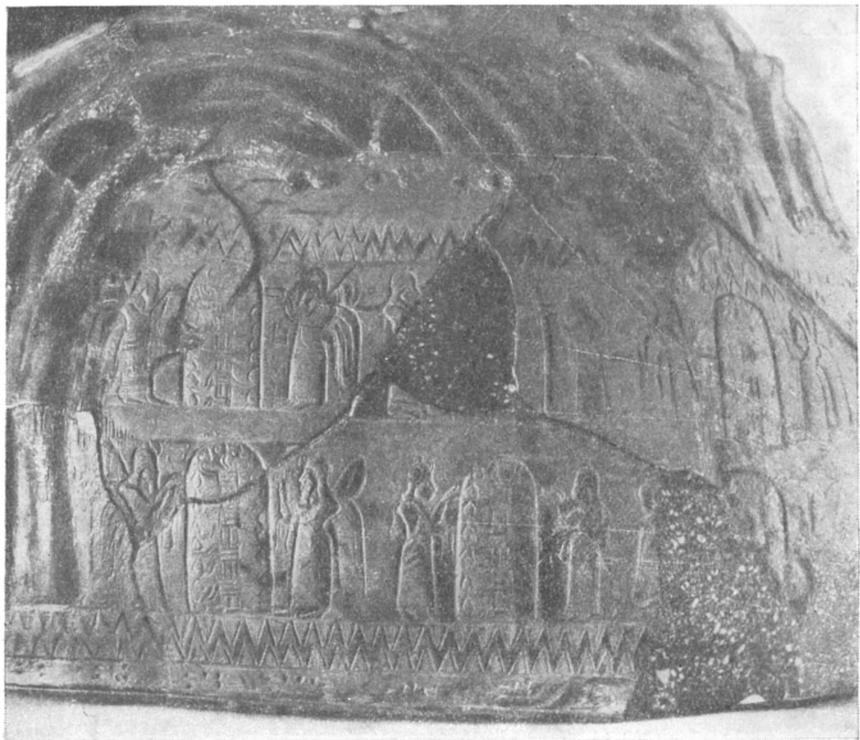

Рис. 8. Изображение на лобной части шлема Сардура. Урартские священные деревья и боги.

Рис. 9. Изображения на высокой части шлема Сардура. Урартские боевые колесницы и всадники.

ными изображениями. Спереди, на лобной части, в два ряда помещены деревья жизни и стоящие по их сторонам боги, безбородые в рогатых шлемах и бородатые с большими крыльями. Эти фигуры с двух сторон обрамлены изображениями змей с головами собак, представлявшими магическую защиту от злых сил. Затылочная и височная части шлема украшены двумя рядами боевых урартских колесниц и всадников. Воины имеют шлемы, подобные найденному, и круглые щиты. Все фигуры украшены тонкой гравировкой.

Подобные изображения всадников и колесниц имеются и на другом памятнике из Кармир-блура — на бронзовом колчане, найденном неподалеку от щита и относя-

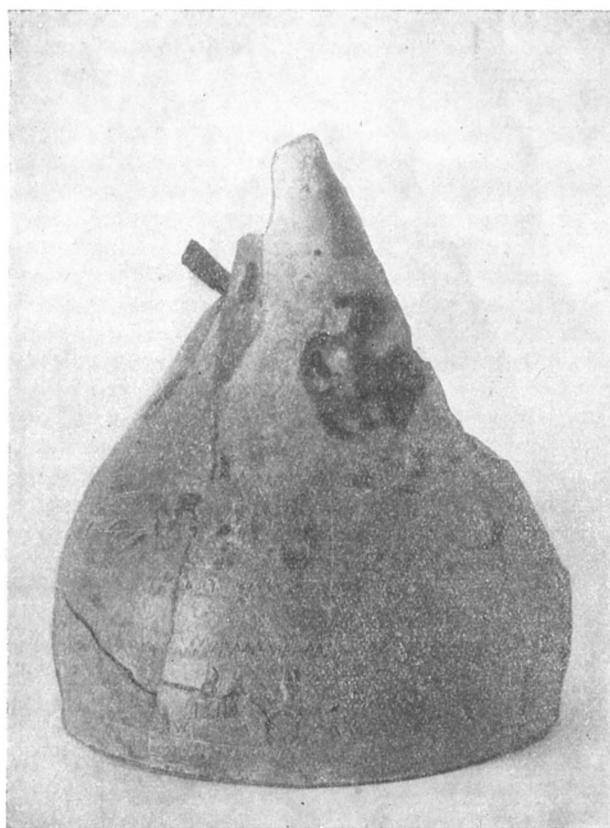

Рис. 10. Бронзовый шлем с надписью царя Сардура, сына Аргишти.

Рис. 11. Бронзовый колчан.

щемся, возможно, так же, как и шлем, к посвятительным дарам урартского царя Сардура, сына Аргишти (середина VIII в. до н. э.). Эти замечательные по своему качеству урартские памятники, имеющие надписи выдающихся урартских царей VIII в. до н. э., вероятно, были перенесены в Тейшебаини из Аргиштихинили, после того как первоначальный урартский административный центр в Закавказье потерял свое былое значение. В кладовых Тайшебаини они и хранились до его последних дней.

Обстоятельства гибели крепости по археологическим материалам могут быть установлены с большой определенностью и до мельчайших деталей. При раскопках на Кармир-блуре, работая над расчисткой фасада дворца у северо-западных ворот, нам приходилось удалять значительный массив земли, высотою более трех метров, образовавшийся от разрушения обвалившихся верхних частей стен,

сложенных из сырого кирпича. При этой большой и трудоемкой работе были обнаружены бронзовые наконечники стрел скифского типа VII—VI вв. до н. э., совершенно отличные от железных урартских, встречающихся в основном культурном слое. Удалось установить, что первоначально, до обвала и разрушения стен крепости, стрелы находились в сырой кладке стены. Некоторые наконечники имеют загибы и обломы на концах, получившиеся от удара об камень, а один из наконечников был обнаружен застрявшим в слое глиняной обмазки, покрывавшей каменный цоколь стены.

Таким образом, с несомненностью устанавливается, что эти наконечники стрел скифского типа принадлежат врагам, разрушившим дворец и город Тейшебани. Враги штурмовали крепость не через главные, хорошо укрепленные ворота, а через боковые, находившиеся у берега реки Занги (древнее Ильдаруни). Штурм был внезапным, ночью, в первых числах августа. Перед штурмом крепости была обстреляна, повидимому, зажигательными стрелами. Небольшие жилища, расположенные во дворе крепости, у стен дворца, загорелись; их крыши, сооруженные из веток и прутьев, рухнули вниз и перекрыли все содержимое этих жилищ в том виде, в каком оно было в момент штурма. Жители успели лишь выбежать из жилищ, не успев с собою ничего захватить. При раскопках около очагов было обнаружено большое количество сосудов, наполненных хорошо сохранившимися зернами ячменя (*Hordium vulgare*. L.), пшеницы (*Triticum vulgare* Vill.), проса (*Setaria italica*) и других зерновых культур. Большие запасы зерна хранились также в ямах, вырытых в полу жилищ. Обработка этих зерен, проведенная М. Г. Туманяном и В. А. Петровым, выявила высокий уровень земледельческой культуры Закавказья урартского периода. Наряду с аборигенными культурами ячмень и пшеницы, связанными еще с земледелием эпохи бронзы, в это время появились культуры проса и кунжута (*Sesamum orientale*. L.). Кроме перечисленных хлебных злаков, при раскопке были найдены запасы пуга (*cicer arietinum*), мелких бобов (*vicia faba* L.) и чечевицы (*Ervum Lens*). Комплекс земледельческих культур, встречающихся на Кармир-блуре, поразительным образом совпадает с известным нам ассирийским.

Около очагов лежали каменные зернотерки и ступки с пестами, железные орудия и оружие, а в углах жилищ нередко попадались скромные ценности — кучки бус, раковины каури, бронзовые украшения, обломки пластиччатых поясов и др. Сохранности содержимого жилищ способствовало и то обстоятельство, что сгоревшие жилища были еще сверху завалены толстым слоем обвалившихся сырцовых кирпичей, образовавших плотный слой. Только благодаря этим исключительным условиям смогли сохраниться деревянные изделия (ложки, совки, лукошки) и обрывки шерстяных и льняных тканей. На неожиданность скифского нападения и паническое бегство жителей указывает и тот факт, что в жилищах оказались оставленными щиты, плетенные из воловых прутьев, с бронзовыми коническими умбонами (с имитацией клинообразных надписей), мечи, кинжалы и другое оружие.

В одном из жилищ около очага был обнаружен пучок травы, в котором оказались также цветы (vasильковые, овсяница и др.), определяющие, согласно мнению А. Л. Тахтаджяна, время гибели крепости первыми числами августа. Это подтверждается и другими материалами. Хлеб был только что убран, но виноград еще не созрел. При большом количестве остатков виноградной лозы была обнаружена лишь одна горсть виноградных косточек от одной, может быть, не совсем еще зрелой, кисти, лежавшей в глиняной чашке. Определение этих косточек показало, что в урартское время в Закавказье был уже известен один из самых распространенных в настоящее время сортов винограда — «воскехат» («харджи»). Жилища у фасада крепости имели запасы только что собранного, свежего зерна, но дворцовые кладовые еще не были заполнены, и в них обнаружены запасы лежалого зерна, среди которых оказались даже остатки вредителей — амбарных долгоносиков.

Мелкий рогатый скот находился на горных пастбищах, и в крепости оставался только крупный рогатый скот, лошади и ослы.

При штурме крепости сгорели лишь те жилища, которые находились в зоне обстрела и могли быть подожжены; жилища у юго-западного фасада дворца находились вне

обстрела, и они подверглись жестокому разграблению. В этих жилищах обнаружены и остатки скелетов убитых жителей крепости—ребенка, а также части конечностей и черепа взрослого человека, раздавленные обвалившейся каменной стеной жилища.

При штурме крепости загорелся и дворец наместника, следы грандиозного пожара наблюдаются на каждом шагу раскопок. В помещениях, связанных с производством кунжутного масла, пожар достигал такой силы, что от жара плавились не только сырцовые кирпичи обвалившихся стен, но и керамические изделия.

Во время пожара на крышу дворца, вероятно, по пандусу, находившемуся около главных ворот, вбежали животные, вырвавшиеся из своих стойл. При раскопках внутренних помещений дворца на остатках рухнувшего потолочного перекрытия были обнаружены обгорелые костяки животных—коров, лошадей и ослов. Животные метались и падали вниз вместе с рухнувшими горевшими перекрытиями. В одной из комнат дворца были найдены костяки четырех лошадей. С. К. Даль, изучающий остатки животных, обнаруженные при раскопках Кармир-блура, расчищавший остатки лошадей, установил, что, судя по положению костей, лошади упали вниз с большой высоты. Гри лошади не имели никакого убора, повидимому, их кожаные уздечки сгорели без остатка, но четвертая лошадь имела убор, заслуживающий внимания. Она имела железные удила, отличные от найденных на Кармир-блуре урартских и близкие к скифским. Кроме указанных удила, при костяке лошади были найдены бронзовые пряжки для ремней в форме птичьего клюва, также характерные для скифской упряжи, пряжки в виде трехлопастной свастики и небольшой серебряный фалар простой формы.

Исследования костей лошадей, проведенные С. К. Далем, показали, что лошадь, найденная на Кармир-блуре, являлась представителем определенной выведенной породы. Она была небольшого роста (высота холки 1,255 м), ниже скифской лошади из курганных погребений на юге СССР. Небольшой рост устанавливается также для быков и коров, хорошо сохранившиеся костяки которых с ошлакованными остатками мяса были обнаружены поверх перекрытия кладовой, где хранился шлем Сардура. Кости же ослов, по заключению Н. Бурчак-Абрамовича, по размерам, пропорциям и внешнему виду ничем не отличаются от костей современной аборигенной породы ослов, широко распространенной в Закавказье.

Дворец наместника погиб во время пожара, но вследствие именно этого обстоятельства Кармир-блур дает нам большой вещественный материал, устоявший от огня и не подвергшийся разграблению врагами, уничтожившими в начале VI в. до н.э., последний оплот урартского владычества в Закавказье.

Раскопки Кармир-блура только в 1947 г. вышли из стадии разведочных работ, выяснивших полный план крепости и характер постройки, занимающей весь холм. Раскопанные дворцы и поместья составляют всего $\frac{1}{9}$ часть всего памятника, и представляют не основные помещения, а комнаты хозяйственного назначения и кладовые.

Перед археологами Закавказья стоит большая, очень сложная и трудоемкая работа по планомерному исследованию не только крепости на самом холме Кармир-блур, но и прилегавшего к ней общирного поселения. На постоянный вопрос—что дадут раскопки Кармир-блура в дальнейшем, можно ответить—несомненно, они дадут много неожиданного и ценного материала для исследования древнейшей культуры Закавказья. Но и теперь уже раскопки крепости на Кармир-блуре позволяют нам поставить и частично уже разрешить ряд важнейших вопросов.

Исследование Кармир-блура (древнее Тейшебани) связано с двумя большими проблемами истории не только древнейшей Армении, но и всего Закавказья, с проблемами, которые могут быть разрешены только при помощи археологии.

Первая из них,—это взаимоотношение центральной части Урарту (Биайны) с областями Закавказья: с одной стороны, изучение существа государства древневосточного типа на его земле, отношений центра и окраин, а с другой стороны, выяснение того культурного влияния, которое оказывали государства древнего Востока на общество Закавказья. Вторая проблема—связи скифов с Закавказьем и древними государствами Передней Азии.

Чл.-корр. АН Арм. ССР Б. Б. Пиотровский